

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 55—61.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 55—61.

Научная статья

УДК 821.161.1.09“18”

DOI: 10.46726/И.2024.3.7

«Я ТЕБЯ НЕ ПРОКЛИНАЮ ИЛИ НЕ ПРОЩАЮ?» ОБ ОДНОЙ ФРАЗЕ В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР»

Екатерина Сергеевна Шевченко

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия, e.shevchenko@ssau.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема русского национального характера в повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» в свете шекспировских образов как культурных констант. Отмечается, что в России формирование шекспиризма как культурного явления происходило в пушкинскую эпоху, после чего каждая последующая эпоха русской литературы и культуры дополнялась своим пониманием Шекспира, внося собственные смыслы в трактовку его вечных образов. В статье устанавливается значение Шекспира и неисчерпаемых шекспировских образов в творчестве Тургенева. Автор исходит из понимания Тургеневым Шекспира как «всепрощающего сердцеведца», вошедшего в «плоть и кровь» русской литературы. Мысль об этом прозвучала в «Речи о Шекспире», специально написанной Тургеневым по случаю трехсотлетнего юбилея великого английского драматурга. В повести «Степной Король Лир» смысловым ядром характера главного героя становится архетип шекспировского Лира. Однако у Тургенева он пропущен сквозь русское национальное сознание и гуманную идею всепрощения. Ключевым в понимании поступка Мартына Харлова, повторяющего поступок шекспировского Лира, является его «сонное мечтание» о вороном жеребенке, которое в повести прочитывается в духе Откровения святого Иоанна Богослова — как приближение апокалипсиса. В заключение делается вывод о том, что эстетическое таинство приятия Шекспира преломлялось Тургеневым в таинстве духовно-религиозном, а идея прощения мыслилась русским писателем как духовная составляющая национального характера.

Ключевые слова: Тургенев, «Степной Король Лир», культурная константа, вечные образы, шекспиризм, Шекспир в России, русский национальный характер, духовно-религиозное таинство

Для цитирования: Шевченко Е.С. «Я тебя не проклинаю или не прощаю?» Об одной фразе в повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 55—61.

В России формирование шекспиризма как культурного явления происходило в пушкинскую эпоху [Захаров 2011], после чего каждая последующая эпоха дополняла диалог с Шекспиром собственным его пониманием, внося собственные смыслы в трактовку его вечных образов. И.С. Тургенев осваивал творческое наследие У. Шекспира на протяжении всей своей жизни. Произведения великого английского поэта и драматурга он читал с детских лет. Систематическое же изучение У. Шекспира началось благодаря Т.Н. Грановскому, с которым И.С. Тургенев познакомился в 1835 году, во время учебы в Петербургском

университете. Грановский тогда учился на последнем курсе юридического факультета, а Тургенев был второкурсником. Этот эпизод из своей жизни Тургенев упомянул в статье «Два слова о Грановском» (1855), написанной по скорбному случаю — на смерть Грановского. В ней Тургенев, горя о безвременной кончине друга, вспоминал, что в начале их дружбы Тимофей Николаевич интересовался не только историей, но также и литературой — сочинял стихи и переводил «Фауста» Гете [Тургенев 5: 325]. Несколько лет спустя Тургенев встретился с Грановским в Германии, во время изучения философии в Берлинском университете. В 1838 году в немецком центре Грановский посвятил Тургенева в «шекспирианцы» и в качестве подарка преподнес том “The plays and poems of William Shakespeare”, сопроводив его собственным посланием, вклеенным перед титулом: «Со страхом... и верою приступите...» [ОГЛМТ: 325]. В православной традиции слова «Со страхом Божиим и верою приступите!» звучат после Литургии и означают приглашение к трапезе Господней ради причащения святых Тайн. Обряд посвящения Грановским Тургенева в «шекспирианцы» имел символическое значение. Вот что по поводу этого события пишет исследователь И.О. Волков: «Совершив над писателем своеобразное “эстетическое таинство”, Грановский во многом определил вектор развития его образования и литературной деятельности» [Волков: 33]. И с этим суждением невозможно не согласиться.

Много позже, в 1864 году, И.С. Тургенев, находясь в Париже, по просьбе П.В. Анненкова написал «Речь о Шекспире», которую планировалось зачитать в «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» в Петербурге, на юбилейном вечере по случаю празднования 300-летия со дня рождения великого английского драматурга. Выбор пал на Тургенева не случайно: в литературной среде он слыл почитателем и знатоком Шекспира. В трепетной и проникновенной «Речи» Тургенев отметил особую близость между «всепрощающим сердцеведцем» Шекспиром и русским народом, отличительной чертой которого является «жажда самосознания», «неутомимое изучение самого себя» [Тургенев 12: 327].

В повести «Степной Король Лир» (1870), погружая читателя в атмосферу шекспировских страстей и характеров, Тургенев ставит и решает существенные проблемы: проблему самосознания русского народа и проблему русского национального характера. Главный вопрос, который терзает читателя по прочтении повести: как намеревался завершить свои предсмертные слова, обращенные к дочери, главный герой повести — проклятием или прощением? Для того чтобы осмыслить понимание этого вопроса Тургеневым, необходимо обратиться к заглавию, сюжету и героям повести, соотнести их с трагедией Шекспира и мировидением самого автора.

Тургенев называет свою повесть «Степной Король Лир», что является прямой реминисценцией заглавия шекспировской трагедии. При этом Тургенев добавляет к прецедентному заглавию определение «степной». Если такой акцент сделан автором, значит, он для него важен. Образ степи появляется у Тургенева также вслед за Шекспиром: после сцены ярости и гнева в адрес благодарных дочерей Лир удаляется в степь, где к нему присоединяются Глостер, Кент и Эдгар. Следовательно, образ степи связывается Шекспиром с изгнанием и скитальчеством Лира, а также с его безумием, ведь именно в степи безумный Лир ведет свои странные диалоги с таким же безумцем Эдгаром и проклинает предавших его дочерей — Регану и Гонерилью. Образ степи связывается у Шекспира с образом бури, являющейся символическим выражением слепой ярости Лира, который в приступе гнева сражается с бушующими

ветрами, рвет на себе волосы, а порывы ветра уносят его пряди в небытие. Бунтующий Лир бросает вызов небесам и всем стихиям. Это не частный конфликт с дочерьми, он затрагивает основы бытия. Лир обращается к стихиям, словно они живые существа; его стремительную речь прерывают только реплики шута и Кента. Речь его звучит предельно обобщенно и метафорически. Находящийся на пороге безумия, Лир воспринимает события своей жизни в космических масштабах, как потрясение мироздания. В свете шекспировского понимания образа степи по-новому может быть понято и тургеневское акцентирование этого образа. Бескрайние просторы степи дают почувствовать космические масштабы трагедии, ощутить, как пошатнулись основы мира. Шекспировский образ степи выступает как своего рода метафора бытия. Именно в таком ракурсе следует понимать определение «степной» у Тургенева, предпосланное его бунтующему герою. Тургенев как бы выводит конфликт героя с миром на новый уровень — из частной, семейной сферы в бытийную сферу, придавая им шекспировский масштаб и колорит. Этот масштаб обозначается в повести трижды — в названии, в прологе к повести и в заключительных словах рассказчика. Тургенев настаивает на том, что его герой и есть русский Лир.

События шекспировской трагедии разворачиваются в древней Британии, которую населяют кельты-язычники; Лир из их числа, он сын волхва и поклоняется языческим богам, олицетворяющим силы природы. Король Лир подобен библейскому Иову, который тоже прошел через горнило страданий, но не проклял Бога, за что Бог воздал ему. Обе эти истории — и шекспировская, и ветхозаветная — соотносятся с сюжетом повести Тургенева и ее главным героем.

Тургенева во все периоды его творчества привлекала проблема национального характера. Повесть «Степной Король Лир» стала для него еще одним подступом к русскому национальному характеру. Примечательно имя героя — Мартын Петрович Харлов. В формулярных списках, которые предшествовали созданию повести и представляли собой авторские наработки образов и характеров, героя звали иначе — Николай Семенович Протасов. Почему Тургенев переименовывает его? В окончательном тексте повести имя героя как будто бы усиливает его образ и характер: имя «Мартын» восходит к латинскому «Martius», являющемуся притяжательным прилагательным от «Mars», т. е. «принадлежащий Марсу; отчество «Петрович» образовано от имени «Петр», что в переводе с древнегреческого означает «скала, камень». Действительно, характеру героя присущи воинственность и твердость. Обращает на себя внимание фамилия героя — Харлов, которой в повести самим героем дается почти легендарное объяснение: «Наш род от вшеда (он так выговаривал слово швед); от вшеда Харлуса ведется, — уверял он, — в княжение Ивана Васильевича Темного (вон оно когда!) приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом — а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался. Вот мы, Харловы, откуда взялись!.. И по той самой причине мы все, Харловы, урождаемся белокурые, очами светлые и чистые лицом!» [Тургенев 8: 160—161]. Но помимо этой, данной самим героем, основной версии происхождения фамилии, можно обозначить, по крайней мере, еще две «добавочные»: возвышенную — от обиходной уменьшительной формы крестильного имени «Харитон» (в переводе с древнегреческого — «благодарный, осыпающий милостями, щедрый») и сниженную — от прозвища Харло, восходящего к диалектному слову «харло» («горло») или глаголу «харлать» («кричать, горланить»). Все эти версии дополняют друг друга; при этом «сниженная» соответствует внешнему облику героя и его физиологическим особенностям: «дышал он протяжно и тяжело, как бык»; «Голос из этого рта выходил хотя

сильный, но чрезвычайно крепкий и зычный... Звук его напоминал лязг железных полос, везомых в телеге по дурной мостовой — и говорил Харлов, точно кричал кому-то в сильный ветер через широкий овраг» [Там же: 160]. А «возвышенная» лишняя раз указывает на экзистенциальный выбор, перед которым оказывается герой. Есть у фамилии главного героя и еще один семантический слой, связанный с русской историей: в «Истории Пугачева» А.С. Пушкин описал гибель от рук бунтовщиков премьер-майора Захара Харлова, коменданта Нижнеозерной крепости, и несчастную судьбу его 17-летней вдовы, ставшей наложницей Пугачева, а затем расстрелянной группой его казаков. Эта «версия» косвенно связывает фамилию героя с трагическими событиями российской истории, русского бунта, разрушения дома и семьи, наконец, с темой крушения основ мира.

С точки зрения рассказчика, герой «не проклинает» и готов простить любимую дочь Евлампью — к ней он и обращается перед самой своей смертью. Рассказчику хочется верить в это прощение, и в его интонациях преобладают смирение и сентиментальность. На момент событий ему было 15 лет, а рассказывает он эту историю будучи уже пожилым человеком (очевидно, сентиментальности добавляет воспоминание о матушке, богатой помещице, и о том, как ее спас Харлов, о делах давно минувших дней). Примечателен авторский «жест» — переключение внимания читателя с героя на окружение, которое беспокоится о том, чтобы герой не досказал слов проклятия (другого от него, по всей видимости, и не ждут, ведь он столько раз говорил о проклятии). Криничский зовет священника, чтобы Харлов успел покаяться и исповедаться перед смертью. Не позволяя умирающему завершить фразу, окружающие словно оберегают его от страшных слов (чтобы герой не успел договорить фразу «я тебя не прощаю»); оберегает героя и автор, который переключает внимание читателя на Криничского и священника.

Что толкает Харлова к поступку Короля Лира — раздать дочерям наследство еще при жизни? В повести есть вполне конкретное объяснение: вещий сон и предчувствие близкой смерти. Харлову снится вороной жеребенок, который с ним играет, «зубы скалит», который «лягнул в левый локоть», так что после пробуждения герой чувствует паралич левой стороны и воспринимает сон как знамение. Данный эпизод повести восходит к Откровению святого Иоанна Богослова, единственной пророческой книге Нового Завета. Вороному коню в Откровении предшествуют белый и рыжий, за ним же следует бледный конь и всадник на нем, имя которому — «смерть», сулящий ад и умерщвление голодом и мечом [Откровение святого Иоанна...]. Именно так прочитывается осмысливается явление вороного жеребенка во сне тургеневским героем. «Не за горами смерть-то — за плечами», — горестно произносит Харлов матушке рассказчика. Примечательно, что герой видит вещий сон накануне заговенья на Петров пост. Это, как он выражается, «сонное мечтание» не дает ему покоя. Окружающие с большим скепсисом относятся к решению героя при жизни раздать наследство дочерям, всячески отговаривают его. Однако Харлов ставит их перед фактом, ни у кого не спрашивая совета и демонстрируя свойственную ему решительность и непреклонность характера. Скепсис окружающих чем-то напоминает то недоверчивое отношение, которое испытывал к Шекспиру и его Королю Лиру Лев Николаевич Толстой. Недоумение Толстого по поводу решения шекспировского героя одарить дочерей при жизни может быть мотивировано, на наш взгляд, с позиций современной Толстому психологической прозы. У Тургенева, думается, иное отношение к поступку героя, не случайно он наделяет героя фамилией, которая может быть истолкована как «осыпающий милостями, щедрый». При всей практичности и жизненной хватке,

как это часто бывает с властными самонадеянными людьми, Харлов недооценивает окружающих и переоценивает собственные возможности. «Очень уж он на себя надеялся и решительно никого не боялся» [Тургенев 8: 161], — говорит рассказчик. И это тоже свойство исполинского характера: не замечать мелочей, который впоследствии могут оказаться роковыми. Помимо психологической достоверности образа Мартына Петровича Харлова Тургеневу важна библейская глубина и шекспировский титанизм этого образа.

Тургеневский герой стоически переносит невзгоды и притеснения, обрушившиеся на него вскоре после вступления дочерей в наследство. С этого момента события повести начинают развиваться стремительно, что характерно для другого жанра — новеллы, на сходство с которой уже указывали исследователи [Вигерина: 30]. В образе Харлова шекспировский Лир смыкается с Гамлетом. После предательства дочерей Харлов-Лир превращается в Харлова-Гамлета. Заметим, что предательство было отправной точкой рефлексии шекспировских героев: предательство матери в «Гамлете», дочерей — в «Короле Лире». Нечто подобное наблюдается и в ситуации с тургеневским героем. Мотив разрушения мира через утрату дома звучал в шекспировской трагедии; звучит он и в тургеневской повести. Тургенев показывает бунт русского человека, обманутого и преданного дочерьми. Лир лишается дома, дочери прогоняют его — сначала Гонерилья, потом Регана; Харлов разрушает его собственными руками. Между тем сама постановка вопроса о проклятии или прощении характерна для трагедии. Для русского сознания вопрос о прощении сродни гамлетовскому: простить значит «быть», а «не простить/проклясть» значит «не быть». Тургеневского героя терзает вопрос веры — достаточно вспомнить сон, который Харлов воспринимает как пророческий. Неслучайно ему снится именно вороной жеребенок: в Откровении святого Иоанна Богослова черный цвет коня выступает символом плача об отпавших от веры во Христа по причине тяжести мучений [Откровение святого Иоанна...]. Через сон героя передана подспудная тревога о вере, боязнь отпадения от нее. Герой повести неоднократно повторяет, что проклясть дочерей «недолго», однако не делает этого. Интересно восприятие Харловым предательства дочерей и «воцарения» обретшего над ними власть Слеткина как нашествия врага на святую русскую землю. В формулярном списке Тургеневым о Харлове отмечено: «нигде не служил, был однако в ополчении — и медальку медную носит, французов не видел, но укукошил каких-то мародеров в лесу» [Тургенев 8: 406]. Бунт Харлова показан в повести как война русского человека с врагами-иноземцами и иноверцами. Он зовет своего верного слугу Максимку, чтобы «вместе отбиваться от лихих татарских людей, от воров литовских» [Там же: 220].

Шекспировские вечные образы придают тургеневским образам титанизм и величие, однако целиком их природы не исчерпывают. В качестве доминанты образа у Тургенева выступает национальное начало. Один тип национального характера показан во всех трех персонажах — Мартыне Харлове и двух его дочерях, Анне и Евлампии; обе героини — «достойные» дочери своего отца. Перед нами три вариации одного характера — сильного, властного, непреклонного. Противоречивость образа главного героя находит продолжение в его дочерях. В сюжетных линиях Анны и Евлампии Тургенев показывает, куда может завести человека отступничество. Предав однажды собственного отца, они не останавливаются на этом пути. Преступность их поведения в отношении отца определяет их будущее. Анна становится полновластной хозяйкой имения: откупается от сестры, чтобы избавиться от ненавистной соперницы в доме; тихо расправляется с мужем, по слухам, отравляя его. Евлампия тоже на путь

смирения не встает: ересь у нее в крови, а потому она становится богородицей у хлыстовцев, теща собственное самолюбие и все дальше отступая от истинной веры. Неопределенность, возникающая в финале повести Тургенева, — от нерешенности бытия. Тургеневский Харлов покаяться не успел, но и проклясть не успел. Автор выстраивает всю ситуацию вокруг героя таким образом, чтобы из его уст не прозвучали слова проклятия. Тургенев тоже прощает, как и рассказчик, не давая герою произнести слова «не прощаю», обрывая его на полуслове. Шекспировская природа образов обуславливает накал страстей и масштабность мировидения [Захаров 2008], а национальное начало определяет их сущность, значимость веры для русского человека и опасность отступничества от нее. Следуя завету Грановского, Тургенев с верой приступал к Шекспиру, и таинство приятия Шекспира преломлялось у него в таинстве духовно-религиозном, а идея прощения мыслилась как духовная составляющая национального характера.

Список источников

- ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325.
Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис). СПб.: Вита Нова, 2015. 288 с.
Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / гл. ред. М.П. Алексеев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978—2018.

Список литературы / References

- Вигерина Л.И. Своеобразие художественного времени в повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир»: к проблеме символического подтекста // Пушкинские чтения — 2012: «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб., 2012. С. 30—43.
(Vigerina L.I. The originality of artistic time in the story by I.S. Turgenev “The Steppe King Lear”: to the problem of symbolic subtext, *Pushkin Readings — 2012*, St. Petersburg, 2012, pp. 30—43. — In Russ.)
- Волков И.О. «Со страхом... и верою приступите...»: И.С. Тургенев — читатель Шекспира (по материалам родовой библиотеки писателя) // Филологический класс. № 3 (53). 2018. С. 33—40.
(Volkov I.O. “Proceed with fear... and faith...”: I.S. Turgenev — a reader of Shakespeare (based on materials from the writer’s family library), *Philological class*, no. 3 (53), 2018, pp. 33—40. — In Russ.)
- Захаров Н.В. Концепция шекспиризма в русской классической литературе // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 145—150.
(Zakharov N.V. The concept of Shakespeareanism in Russian classical literature, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 2, pp. 145—150. — In Russ.)
- Захаров Н.В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ: монография / отв. ред. Вл. Луков. М.: МосГУ, 2008. 320 с.
(Zakharov N.V. Shakespeareism of Russian classical literature: thesaurus analysis: monograph, ed. by Vl. Lukov, Moscow, 2008, 320 p. — In Russ.)

“AM I NOT CURSING YOU OR NOT FORGIVING YOU?” ABOUT ONE PHRASE IN THE STORY BY I.S. TURGENEV “LEAR OF THE STEPPE”

Ekaterina S. Shevchenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation, e.shevchenko@ssau.ru

Abstract. The article examines the problem of Russian national character in the story by I.S. Turgenev's “Lear the Steppe King” in the light of Shakespearean images as cultural constants. It is noted that in Russia the formation of Shakespeareanism as a cultural phenomenon occurred in the Pushkin era, after which each subsequent era of Russian literature and

culture was supplemented by its own understanding of Shakespeare, introducing its own meanings into the interpretation of Shakespeare's eternal images. The article establishes the significance of Shakespeare and the inexhaustible Shakespearean images in Turgenev's work. The author proceeds from Turgenev's understanding of Shakespeare as an "all-forgiving nature of someone who knew everything about a human's heart", who became part of the "flesh and blood" of Russian literature. The idea of this was voiced in the "Speech on Shakespeare," specially written by Turgenev on the occasion of the great English playwright's three hundredth anniversary. In the story "Lear the Steppe King," the archetype of Shakespeare's Lear becomes the semantic core of the protagonist's character. However, in Turgenev work it is passed through the Russian national consciousness and the humane idea of forgiveness. The key to understanding the action of Martyn Kharlov, repeating the action of Shakespeare's Lear, is his "sleepy dream" about a black foal, which in the story is read in the spirit of the Revelation of St. John the Theologian - as the approach of the apocalypse. Finally, it is concluded that the aesthetic sacrament of accepting Shakespeare was refracted by Turgenev in the spiritual and religious sacrament, and the idea of forgiveness was conceived by the Russian writer as a spiritual component of the national character.

Keywords: Turgenev, "Lear the Steppe King", cultural constant, eternal images, Shakespeareanism, Shakespeare in Russia, Russian national character, spiritual and religious sacrament

For citation: Shevchenko E.S. "Am I not cursing you or not forgiving you?" About one phrase in the story by I.S. Turgenev "Steppe King Lear", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 55—61.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 20.04.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Шевченко Екатерина Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия, e.shevchenko@ssau.ru

Shevchenko Ekaterina Sergeevna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, Samara, Russian Federation, e.shevchenko@ssau.ru